

Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. XXXIX. Симбирская губерния. 1904.

ПВП 3 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. XXXVIII. Саратовская губерния. 1904.

ПВП 4 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. XXVIII. Оренбургская губерния. 1904.

ПВП 5 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. 1904.

ПВП 6 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. XXXVI. Самарская губерния. 1904.

ПВП 7 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. X. Вятская губерния. 1904.

ПВП 8 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. XXXI. Пермская губерния. 1904.

ПМА 2005, мордва — Полевые материалы автора 2005 г. Оренбургская область, д. Кабаевка, Аксенкино Северного р-на.

ПМА 2005, чувашы — Полевые материалы автора 2005 г. Республика Чувашия, д. Малое Буяново Шемуршинского р-на.

ПМА 2006 — Полевые материалы автора 2006 г. Ульяновская область, д. Каргино, Коченяевка Вешкаймского р-на.

ПМА 2009 — Полевые материалы автора 2009 г. Республика Чувашия, д. Асаново, Старая Чукала Шемуршинского р-на.

Summary. *Article is devoted a distribution problem Old-Belief among the people of the Uralo-Volga region, the reasons and character of this phenomenon among Mordvas and Chuvashs on the basis of the published sources and author's field materials.*

Key words: *old-believers, traditional culture, religious interactions.*

С. С. МИХАЙЛОВ
(Москва)

ТАЙНЫЙ «МАСОЙСКИЙ» ЯЗЫК ГУСЛИЦКОЙ ДЕРЕВНИ ЕЛИЗАРОВО

Аннотация. *Статья рассказывает об одном из офенских языков — «масойском» языке жителей деревни Елизарово, расположенной в старообрядческом регионе Гуслицы.*

Ключевые слова: *Елизарово, Гуслицы, Заход, офени, тайный язык, старожилы, промыслы.*

На востоке Подмосковья, в нынешней южной части Орехово-Зуевского района (прежде — на юго-востоке Богородского уезда Московской губернии) расположен один из известнейших в прошлом старообрядческих регионов России — Гуслицы. Они также носили название «старообрядческой Палестины». Уже в XIX в. Гуслицы становятся одним из центров текстильной промышленности: большие и малые фабрики, красильни и прочие предприятия. Гуслицы дали промышленному миру такие фамилии, как Рахмановы, Миловановы, Муравлевы, Руновы, Громовы (основатели питерского Громовского старообрядческого кладбища), Балашовы. Сопредельные старообрядческие регионы — Гжель, Вохна и Патриаршина — стали родиной таких известных фамилий, как Кузнецовы («фарфоровые короли России»), Солдатенковы, Морозовы.

К началу XX в. в Гуслицах проживали преимущественно старообрядцы-поповцы белокрыницкого согласия. Были также и небольшие группы беглоповцев-лужжан и беспоповцев. Прежде последние были основным населением края, но уступили свои позиции под натиском белокрыницкого капитала. Жители были почти поголовно грамотны. После 1840-х гг. Гуслицы, прежде всего селения Беливского прихода, стали кузницей кадров духовенства белокрыницкой иерархии. Священников-гуслияков можно было встретить во многих приходах по всей России.

Старообрядцы-гуслияки создали самобытную культуру. Край славился иконописцами, переписчиками певческих книг, украшавших свои произведения заставками так называемой «гуслицкой» росписи. Специалисты выделяют «гуслицкое» литье, расхившееся по всей старообрядческой России, хотя литейный промысел был отмечен только в одной деревне — Анциферово. Грамотеи-начетчики, знатоки полемической литературы, пользовались известностью далеко за пределами Гуслиц.

Однако, не взирая на крепость старообрядческой традиции и на значительную «цивилизованность» края в связи с мощным промышленным развитием, на близость его к Москве, здесь сохранился и богатый пласт народной культуры. В этих местах и сейчас, в начале XXI в., бытуют рассказы о «деревнях колдунов», «кладбищах удушенных», «заводных местах» и других подобных вещах. В некоторых деревнях можно встретить предания о гуслицких разбойниках (Василии Чуркине и др.), о происхождении той или иной деревни и др. До сих пор сохраняется специфика разных уголков Гуслиц (Раменье, Запонорщина, Заход), а также разных селений.

К тому же Гуслицы имели и другую — криминальную — славу. Здесь было много фальшивомонетчиков, разбойников, профессиональных попрошайек.

В данной статье автору хотелось бы рассказать об одной из деревень гуслицкого Захода — селении Елизарово, в котором до сих пор можно найти остатки тайного воровского языка.

Офенские языки были прежде распространены преимущественно в ряде уездов Владимирской губернии среди отходников-офеней. Язык, не использовавшийся в обычном общении, был необходим для передачи информации исключительно своим, дабы не поняли чужаки. До 1917 г. и в более позднее время вышло немало публикаций, посвященных тайным языкам различных уголков России. Их подробный анализ является делом более серьезного исследования (см., например [Смирнов 1902; Котков 1949; Сцепура 1880]).

Елизарово интересно само по себе. Оно находится на северо-западе поздних Гуслиц (т. е. не в самой древней Гуслицкой волости, а на территории, ставшей Гуслицами только к XIX в.), в уголке, известном под названием «Заход» или «Заохот». История возникновения этого топонима неизвестна. Местность эта включает в себя шесть населенных пунктов: деревни Елизарово, Костино, Давыдово, Гора, Барская и Ляхово. Еще в середине XIX в. Заход считался краем довольно «веселым». Миссионерский журнал «Братское слово» дает ему и его жителям следующую характеристику: «Раскольников-гуслияки, особенно заходцы, народ сметливый, хитрый, но вместе грубый и дерзкий, без всяких нравственных правил. Лет двадцать тому назад Заход был положительно разбойничьей стороной» [Братское слово 1888]. О нравах Захода и Елизарова мы скажем чуть позже.

Все жители Захода занимались одними и теми же промыслами, но почему-то тайный «масойский» язык бытовал именно в Елизарове. Его название и основной набор слов указывают на родственное происхождение с «масовскими», «мазовскими» языками других регионов России, прежде всего Владимирского края.

«Масойский» язык деревни Елизарово специально почти не изучался. Некоторые ученые, посещавшие Гуслицы, слышали отдельные слова, фиксировали их и даже приводили в ряде публикаций. Попытки больше узнать об этом языке предпринимались местными исследователями-краеведами. Прежде всего, следует назвать преподавателя гимназии соседней деревни Давыдово Валентину Федоровну Кузнецову и преподавателя Давыдовского лицея Инну Степановну Овсянникову. Уровень подготовки обеих исследовательниц, с которыми автору регулярно доводится работать совместно, позволяет говорить об их работе серьезно. В. Ф. Кузнецова на областной краеведческой конференции в г. Коломне в 2005 г. делала доклад о Елизарове, и к нему был приложен небольшой словарь «масойских» слов. Доклад этот опубликован (см.: [Кузнецова 2005]). В первый выпуск альма-

наха «Гуслицкая округа» [Куровское, 2006] попал краеведческий материал о Елизарове школьницы из Давыдовской гимназии Нины Леяковой, где также есть интереснейшая информация о «масойском» языке и его словах [Леякова 2006]. Словарик выявленных слов почти совпадает с тем, который был составлен В. Ф. Кузнецовой. Некоторая информация содержится в статьях Е. А. Агеевой, которая в прошлые годы работала вместе с Л. А. Игошевым в этих местах, изучая гуслицкое старообрядчество. [Агеева 1998, 17; Агеева 2004, 277; Агеева 2004а, 61]. Но московские ученые не проявили особого интереса к данному феномену местной культуры, ограничившись лишь фиксацией около трех десятков слов и одной фразы, которые они, вероятно, услышали случайно.

До сих пор изучение «масойского» языка постоянно наталкивается на определенные сложности. Это и постепенный уход из жизни старшего поколения — последних носителей языка, и стремление по-прежнему хранить его в тайне от чужаков. В. Ф. Кузнецова говорит, что когда попадаешь в Елизарово, то замечаешь по отношению к себе смешанное чувство любопытства и крайней подозрительности. Жители деревни стараются не подпускать близко к себе всех чужаков, включая исследователей. Всегда на попытки что-либо узнать о Елизарове, тем более о тайном языке, сплошь и рядом можно услышать: «Да мы ничего не знаем, ничего не помним» и т. п. Одна местная активистка поначалу деятельно помогала Валентине Федоровне в краеведческой работе, сама назвала какое-то количество «масойских» слов, но после того, как у нее запил сын, сочла это карой свыше за длинный язык и отказалась от дальнейшего сотрудничества. И. С. Овсянникова также жаловалась, что и жители деревни, и выходцы из нее, проживающие в Давыдове, отказывались идти на контакт, особенно когда речь заходила о языке. Одна женщина, живущая в Давыдове, поначалу была словоохотлива и обещала познакомить с мужчиной, который до сих пор может бегло разговаривать на «масойском» языке. Он, по ее словам, также жил в

Давыдове. Но когда дело уже дошло до того, чтобы идти к нему, женщина стала отказываться, делать вид, что ни о каком знатоке она ничего не рассказывала и т. п. В данном случае, скорее всего мы имеем дело с сохранением тайны по инерции, поскольку ныне смысла сохранять ее нет. Прежние криминальные занятия жителей деревни отошли в прошлое: хотя елизаровцы вместе с другими заходцами и ходили на «сбирку» еще в 1950-х гг., молодые поколения уже ассимилированы окружающей средой.

И мне, и другим исследователям края удавалось узнать больше «масойских» слов от жителей соседних селений, нежели от самих елизаровцев. Летом 2006 г. нам с И. С. Овсянниковой крупно повезло. Во время полевой работы в соседнем с Елизаровым Ляхове мы познакомились с Таисией Родионовной Лобановой (урожденной Жуликовой), 1928 г. р., родившейся в Елизарове и вышедшей в Ляхово замуж в 1953 г. Женщина давно уже оторвалась от елизаровской среды, к настоящему времени у нее уже практически не осталось в Елизарове родни старшего возраста, с кем она поддерживала бы отношения, поэтому она довольно охотно пошла на контакт, рассказав немало и о «масойском» языке, и о самой деревне.

Мне доводилось встречать в литературе упоминания о «масойском» языке и утверждения, что он бытовал и в других деревнях гуслицкого Захода. К примеру, в 1911 г. в газете «Богородская речь» некто под псевдонимом «Георгиевич» напечатал заметку «Заход. Отхожий промысел», в которой коснулся промыслов этого интереснейшего уголка Гуслиц. Автор также не мог не упомянуть и тайный язык, который, по его мнению, существовал во всем Заходе. В 1996 г. заметка была перепечатана в альманахе «Богородский край» [Богородский край 1996, 15]. Подобную информацию мне приходилось также слышать и от старожилов некоторых селений. Например, известный хранитель гуслицкой исторической памяти Николай Степанович Самошин (1921—2006) из деревни Анциферово, расположенной в двух километрах южнее ближайшей заходской

деревни Костино, также утверждал, что этот тайный язык бытовал во всем Заходе. Он назвал мне несколько слов, которые слышал прежде и помнил, и рассказал, что в Костине стояла чайная, где собирались разбойники и обсуждали планы по грабежу проезжающих по «Коломенке». Чтобы их не поняли, они общались на «масойском» языке. По утверждениям Самошина, разбойники были местные, костинские. Но не исключено, что они могли быть и жителями соседнего Елизарова. Возможно, что в Елизарове язык знали все, но в соседних селениях он служил средством тайной устной связи только для представителей криминальных промыслов. Нам этого уже никогда не узнать.

Тайные языки были в основном распространены в тех местах, где уходили в отход. Елизарово не было исключением. Мало того, в основном здесь предпочитали промыслы сомнительные. Это и распространенная во всем Заходе «сбирка», т. е. профессиональное попрошайничество, и конокрадство. Последним, равно как и обычным разбоем, занимались, разумеется, мужчины. Но в сбирке не последнюю роль играли женщины, старики и дети. Может быть, поэтому в Елизарове язык знали абсолютно все, независимо от пола и возраста. Кстати, многие елизаровцы, по словам В. Ф. Кузнецовой, считают «масойский» язык «воровским», «нехорошим» [Кузнецова 2005, 130—131].

Т. Р. Лобанова рассказала, что она лично выучилась языку от своих сверстников и от старшей сестры, 1922 г. р. Другие же получали необходимые познания в семье, прежде всего от стариков. Рассказывают, что в старину в деревне имелась даже особая книга «с масовским языком». В свое время Е. А. Агеева и Л. А. Игошев также фиксировали сведения об этой книге [Агеева 1998, 15]. Куда эта книга «затем подевалась», никому не известно.

Елизарово было не особо значительным по гуслицким меркам населенным пунктом: в нем насчитывалось менее сотни дворов. Основными фамилиями в деревне были Никулины, Балзетовы, Ширины, гораздо меньше было Жуликовых, Чикиных, Чекаловых, Петровых,

Захаровых, Хитровых, Перовых, Ребриковых... Совсем загадочным кажется появление в Елизарове малочисленной фамилии «Волынцевы», которая совершенно не характерна ни для Захода, ни для Гуслиц вообще.

Вплоть до XX в. жители Елизарова старались даже браки заключать только в пределах своей деревни. По словам Т. Р. Лобановой, смешанные браки появились в 1920—1930-х гг., когда традиции стали постепенно уходить и некоторые елизаровские девушки стали выходить замуж в соседние деревни. Ребята стали приводить сторонних невест уже только после войны. Таисия Родионова также рассказала, что прежде исключение всегда составляла одна из ветвей рода Шириных (по линии некоего Никиты Ширина), где старались вступать в брак только с чужими. Причину этого в ее время уже никто не помнил, но, скорее всего, в данном случае можно предполагать какую-то прежнюю обиду на односельчан и их традиции.

Причина изоляции Елизарова кажется непонятной. Если посмотреть на карту, то видно, что все заходские деревни расположены очень компактно, на расстоянии максимум нескольких километров друг от друга. Во всех шести деревнях, равно как во многих окрестных, почти все население придерживалось старообрядчества неокружнического даниловского толка. Занятия всех заходцев также были одинаковыми. До середины XIX в. этот уголок Гуслиц считался исключительно разбойничьей стороной. Вплоть до 1950-х гг. из местных деревень регулярно уходили на «сбирку», т. е. собирать «на погорелое» и т. п. Елизаровцы славились как конокрады, о чем писал и В. А. Гиляровский, упоминавший весьма конкретно «елизаровских лошаводов», вошедших в поговорку [Гиляровский 1999, 127], но от них не отставали и жители соседнего Костино... По рассказам старожил из всех местных деревень видно, что говор в Елизарове, а также в соседних Костине, Ляхове, Барской был один. Все его почему-то упорно сравнивали с «владимирским», с которым постоянно путешествовавшие гуслики были знакомы. Этот говор противопоставляли

цокающей речи как соседних гуслицких Анциферова, Новинок и др., так и загарской деревни Перхурово, расположенной к западу от Елизарова, с жителями которой все заходцы соприкасались регулярно. Получается, что елизаровцы имеют и общее происхождение, и общее вероисповедание, и общие занятия со своими ближайшими географическими соседями. Почему вдруг появилась такая самоизоляция, мы, наверное, уже никогда не узнаем. Возможно, что в Заход попала небольшая группа населения из Владимирского края, среди которой оказались и носители офенской культуры. И как офени держались особняком на исторической родине, так они обособились и на новой. Может быть, ответ на этот вопрос даст владимирский материал. Также интересно то, что самоизоляция, выражающаяся в тайном языке и в брачных обычаях, не распространялась на деловые контакты с жителями соседних селений.

В. Ф. Кузнецова, родители которой происходят из Давыдова и Барской и которая знает эти края с детства, рассказала автору в устном общении, что в тот период, когда она училась в Давыдовской школе (впоследствии — школа № 1, ныне гимназия), ребята из Елизарова, также учившиеся в этой школе, всегда считались хулиганами, двоечниками, матерщинниками. Когда ее двоюродная сестра объявила, что выходит замуж за елизаровского парня, для семьи это стало настоящим шоком. Но, с другой стороны, практически все заходцы, имели «веселую» репутацию воров, разбойников, «сбирунов» и т. п. Каждая местная деревня имела раньше свои особенности, несмотря на территориальную близость других селений. Валентина Федоровна даже рассказала случай, когда в прошлые годы одна из местных учительниц, обсуждая поведение одного ученика, сказала: «Да что его ругать, он же с Ляхова!» Впоследствии, примерно к 1980-м гг., когда расширялась промзона в Давыдове, имел место приток населения извне, шедший параллельно с миграцией в эту деревню молодежи из соседних населенных пунктов, местная специфика стала исчезать

буквально на глазах. В настоящее время молодежь проживает преимущественно в Давыдове, в деревнях, включая и Елизарово, проживают постоянно представители старшего возраста. По словам В. Ф. Кузнецовой, И. С. Овсянниковой и других местных учителей, молодые поколения семей выходцев из Елизарова совершенно оторваны от своей культуры и зачастую даже ничего не знают о «масойском» языке. Многие уроженцы Елизарова перебрались на постоянное место жительства в Воскресенск, Шатуру и Егорьевск.

Теперь о самом языке. О том, что он является частью офенских языков Владимирской области, говорит само его название. «Масойским» или «масовским» он именуется от самоназвания его носителей, жителей деревни Елизарово — «масы». «Мас» — «я», «свой человек», «масы» — «мы». По словам В. Ф. Кузнецовой, проделавшей уже некоторую работу по изучению елизаровского языка и имеющей возможность чаще меня контактировать с осведомленными о нем людьми, он также именуется елизаровцами «язык масы». Масами елизаровцев называли и жители соседних деревень. То, что «масы» имеет общее происхождение с офенями-масыками Владимирского края, бесспорно. Уже упомянутый «владимирский» говор заходцев еще одно тому подтверждение. Самоназвание елизаровцев и офеней по одной версии, бытовавшей еще в середине XIX столетия, происходит от некоего древнего народа «масаков», кочевавшего по Волге [Военно-статистическое обозрение 1852, 151]. В 1985 г. в Киеве вышла монография О. Ткаченко «Мерянский язык», в которой автор высказывает мнение о том, что позднее офенское слово происходит от мерянского «мас» — «я». [Ткаченко 1985, 107]. Тогда получается, что елизаровское самоназвание ближе к древнему финскому «оригиналу», нежели офенское.

Ткаченко выводит из языка древней мери и офенское слово «куба» («женщина») [Там же, 158]. Оно есть и в «масойском» языке, но в варианте «кубёха». В. Ф. Кузнецова, Е. А. Агеева, Н. Леякова считают, что оно служит исключительно для обозначения жен-

щины. Но Т. Р. Лобанова сообщила, что «кубёха» — это довольно грубое слово, типа «баба». Просто женщина именовалась также, как и девушка, — «корьячка» («Корьячка кряит» — «Женщина (девушка) идет»).

Не менее сложная ситуация со словами, имеющими значение «мужчина». Здесь существует обычное офенское «лох», которое отмечают и краеведы. Но, по словам Т. Р. Лобановой, мужчину чаще называли «корьяк», что хорошо сочетается с «корьячкой». В Елизарове мужчину обозначали также и словом «котер», но об этом мы поговорим ниже.

Самым известным и офенским, и «масойским» словом, прочно вошедшим в современный молодежный жаргон, является «клёво» («хорошо»).

В целом словарь «масойских» слов, собранных В. Ф. Кузнецовой (Куз.), Н. Леяковой (Лел.), Е. А. Агеевой (Аг.), [Кузнецова 2005, 130—131; Леякова 2006, 101; Агеева 1998, 14—15; Агеева 2004] выглядит следующим образом:

- Баня — шелухань (Куз., Лел.)
- Большой — фячай (Куз, Лел., Аг.)
- Вода — линуга (Куз., Лел.)
- Вино — тарныга (Куз., Лел.)
- Говорить — ковлеть (Куз., Лел.), говорить (Аг.)
- Говорить осторожно — шаром (Лел.)
- Деньги — сары (Куз., Лел.), сарыга, дукаты (Аг.)
- Дом — дохаза (Куз., Лел.)
- Еда — бряйка (Куз., Лел., Аг.)
- Есть — брять (Куз., Лел., Аг.)
- Жить — жихровать (Лел.)
- Корова — трубёха (Куз., Лел., Аг.)
- Картофель — валоха (Куз., Лел.)
- Конфеты — лампасейки (Куз., Лел.), лимпасейки (Аг.)
- Лошадь — ловак (Куз., Лел., Аг.)
- Молоко — гольмо (Куз., Лел.), гультмо (Аг.)
- Много — фяче (Куз., Лел., Аг.)
- Малый — микро, микрый (Куз., Лел.)
- Мать — октяиха (Куз., Лел.)
- Машина — быструха (Куз., Лел.)
- Мука — пылуха (Аг.)
- Ночь — меркуша (Куз., Лел.)
- Ноги — ходарки (Куз., Лел., Аг.)
- Нож — жулик (Куз., Лел.)
- Нечего — нескень (Куз.)

- Обругать — обжухрить (Куз.)
- Отец — октяй (Куз.)
- Плохо — хило (Куз.)
- Плохой — хилой (Куз.)
- Просят — прохтут (Лел.)
- Рожь — коструха (Аг.)
- Сахар — грызун (Куз., Лел., Аг.)
- Собака — сунега (Куз., Лел., Аг.)
- Умереть — ухаренить (Куз.), ухаршить (Лел.)
- Хлеб — сумак (Куз., Лел., Аг.)
- Чай — чавыга (Куз., Лел.)
- Часы — чекуны (Куз., Лел.)
- Яблоки — стыблоки (Куз., Лел., Аг.)

Совпадение в большинстве случаев слов, собранных В. Ф. Кузнецовой и Н. Леяковой, объясняется тем, что фактически они пользовались одними и теми же источниками информации и работали с одними и теми же людьми. К данному словарю хотелось бы также добавить и несколько слов из сообщенных Т. Р. Лобановой: «Сковлить» — ответить, «скегай» — стороной, «спрахтывает» — спрашивает, «испухтылась» — испугалась, «не вольщитя» — не хочется, «микры» — дети, а также вариант слова «есть» — «шамать». Но последний вариант, в отличие от обычного «брять» носит негативный характер, типа «жрать». О некоторых словах мы также скажем далее.

В ходе полевых исследований в населенных пунктах Гуслиц мне удалось узнать еще несколько «масойских» слов, которые мои информаторы узнали в свое время от елизаровцев и смогли вспомнить. Это — «гиряк» (старик), «гируха» (старуха) (оба слова сообщила Лидия Федоровна Самохвалова, 1929 г. р., Давыдова), «барить» (заниматься сексом) (сообщил Н. С. Самошин). Т. Р. Лобанова сообщила слово «люхтить» — «любить», видимо, в более возвышенном понимании.

В работе В. Ф. Кузнецовой приведены несколько «масойских» фраз: «Лохунки бусели тарныгу, микряд было фяче» — «Мужья пили вино, детей было много»; «Бряйки было нескень, сары тоже» — «Еды не было, денег тоже»; «Масы жихруют клёво, пока бряем клёвую бряйку» — «Мы живем хорошо, пока едим хорошую еду» [Кузнецова 2005, 131].

Агеева привела услышанную ею и Л. А. Игошевым фразу: «Зеть-ка, зеть-ка, созданный вверх ходарками стекляет». Она была произнесена, когда вошедший заметил, что в ходе ремонта образ Спасителя поставили вверх ногами [Агеева 1998, 15].

В «Богородской речи» приведены две фразы: «Стисать ловока с катыками» (Украсть лошадь с колесами, т. е. с телегой) и «шпиохи да морей» (копейки да гривенники), касавшиеся прежних промыслов елизаровцев [Богородский край 1996].

Т. Р. Лобанова рассказала о некоторых способах использования «масойского» языка, по крайней мере, в середине — второй половине XX в. Прежде всего, он использовался на бытовавшей до 1950-х гг. включительно «сбирке». Когда она еще девочкой вместе со стариками ходила в Москву «сбирать», то при виде милиционера старшие предупреждали, что надо идти в другую сторону, но вспомнить фразу за давностью лет она не смогла. На работах вне деревни елизаровцы очень долгое время старались держаться замкнутыми группами и при начальстве или нежелательных чужаках обменивались нужной информацией «по-масовски». Подтверждение этого я услышал еще несколько лет назад от Устиньи Григорьевны Андреяновой, 1923 г. р., которая в начале 1960-х гг. была директором совхоза, в который входило и Елизарово. Она рассказывала, что елизаровские женщины при ней говорили на тайном языке так же бегло, «как по-русски». У. Г. Андреянова характеризовала в целом елизаровцев как людей довольно приветливых, в отличие от их ляховских соседей, которых она назвала людьми грубыми, с которыми сложно общаться.

По рассказам Т. Р. Лобановой, елизаровские женщины, путешествуя регулярно в Москву, использовали язык при обсуждении соседей по вагону, особенно семейных пар. Завидев поблизости мужа и жену, они всегда оценивали их фразой: «Корьяк хилой, корьячка клёвая» («Мужик плоховат, женщина хорошенькая») или же наоборот: «Корьяк клёвой, корьячка хилая» и т. п. К сожа-

лению, она помнила уже очень немного слов и фраз.

Прежде жители соседних заходских деревень рассказывали, что в давыдовском клубе, где собиралась молодежь со всех деревень, когда рядом с группой елизаровцев оказывался чужак, звучала определенная «масовская» фраза и все переходили на непонятную постороннему речь. Т. Р. Лобанова рассказала, что это была за фраза. Когда рядом садился кто-то не из Елизарова, то заметивший его предупреждал: «Корьяк (корьячка) около седонит, а по-масовски ковнить не знахтырит», т. е. «Мужик (женщина) сел рядом, но по-масойски не знает (т. е. не из «масов»)». Интересно, что произносили такую немалую фразу, а не пользовались кратким термином, который бы обозначал «чужак». Похоже, его совсем не было в «масойском» языке. Таисия Родионовна вспомнила и еще несколько фраз, но более коротких: «карьяк кряет скягай» («мужик идет сторонний», «скягай» — «сторона, сторонний»), «карьяк кряет не масовский».

В 2000 г. настоятель единоверческого (т. е. старообрядческого в лоне официальной Православной церкви) храма в соседнем городе Куровское о. Дмитрий Кузнецов, на церковь которого одно время были ориентированы жители Елизарова, рассказал мне о таком случае. Однажды в храме отпевали елизаровского покойника, дело было после обычного богослужения. За церковным «ящиком» один из членов общины считал деньги, стараясь, чтобы этого не видели посторонние. Мимо прошли несколько пожилых елизаровок, которые, разумеется, заметили происходящее. Одна из них бросила фразу: «Котер дукаты таит». Слово «дукаты» понятно без перевода, а с остальными возникают вопросы. «Таить» может быть вариантом «прятать» (вспомним, что считающий старался скрыть процесс подсчета) и «воровать». «Котер», как сказала Т. Р. Лобанова, также означает «мужчина», но какого именно мужчину обозначали этим термином, она сказать не смогла. По логике фразы это может быть «аферист», «нечестный мужик», но в связи с этим словом Таисия Роди-

оновна вспомнила фразу: «Масовский котер кряит дохазу» — «Мой муж идет домой». Но не будем забывать, чем в прошлом были известны елизаровцы. Вполне возможно, что понятия типа «аферист», «жулик» в деревне, где испокон веков занимались криминалом, не имели отрицательной оценки. По словам Таисьи Родионовны, фраза «Мужик ворует деньги» звучит: «Карьяк сары биряет». Интересно, что одно из самых распространенных заходских занятий «сбирка» (сбор «на погорелое», на ремонт несуществующих церквей и т. п.) означает то же, что и воровать: «бирять», «сбирять» (причем «бирять» также значит и «собирать»). Но наряду с последними словами Т. Р. Лобанова назвала и известное офенское, ставшее общеизвестным — «стибрить».

Кстати, для «сбирки» существовал и термин «снодить» (сбирать, побираться). Это слово зафиксировано еще в «Богородской речи» [Богородский край 1996]. Его вспомнила и Т. Р. Лобанова, и знают также В. Ф. Кузнецова, И. С. Овсянникова и др. Это слово известно и жителям соседних деревень. Мне удалось найти сведения о его бытовании в прошлом в Горе («на Горе»), в Барской, Ляхове, Костине. По всей видимости, оно вошло в общезаходский сленг. Удивительного здесь ничего нет, так как «снодили» во всем Заходе. Уроженец Костина Сергей Федорович Романов, 1951 г. р., помнит и о бытовании в костинской бытовой речи елизаровского слова «бръять» (есть). Он опубликовал небольшой очерк о своей деревне в альманахе «Гуслицы», где вспомнил, как отец в детстве говорил: «Побряли — пошли на дела» — «Поели — пошли работать» [Романов 2006, 52].

На мой вопрос, а как же в традиционно разбойничьем Заходе называли «по-масойски» разбойников, Т. Р. Лобанова вспомнила два обозначения: «хилые лохуньки» (дословно: «плохие мужья») и «ламаские лохуньки». Последнее удивительно тем, что в словаре Даля офенский язык также назван «ламманским» [Даль 1863, XLVIII].

За годы исследования Гуслиц и их культуры мне неоднократно приходи-

лось слышать легенды о том, что во время войны, дабы пронести нужную информацию через цензуру, письма с фронта елизаровцы писали «по-масойски». Но было бы очень странно, если бы цензор пропустил такое «непонятное» послание. Материалы Н. Леяковой помогли рассеять мои сомнения. Она зафиксировала фразу из фронтového письма: «Кормят хорошо, еды — одна линюга (т. е. вода)» [Леякова 2006, 100]. Так ввести в заблуждение цензора и сообщить родственникам истинное положение дел было довольно легко.

Не может не показаться странным то, что в отдельной небольшой деревне для одного значения существует не один, а два, и даже более варианта слов. Пока объяснения этому нет, но можно предположить следующее. Т. Р. Лобанова, рассказывая о самой деревне, упомянула, что прежде в Елизарове, не взирая на то, что деревня представляла собой одну улицу, было несколько «курений». Молодежь, к примеру, гуляя в деревне, всегда держалась «куренями». О более старших поколениях женщина, вышедшая замуж в другую деревню и поддерживавшая после слабую связь с прежними односельчанами, рассказать ничего не могла. Хотя «куреня» эти не были изолированными группами, но вполне возможно, что от принадлежности к тому или иному из них зависел регион занятия «сбиркой» и т. п. Вполне возможно, что и в «куренях» развивались свои «диалекты», отдельные слова которых и всплывают в воспоминаниях старожилов. Но это всего лишь мое предположение.

О связи «масойского» языка и владимирского офенского говорит также и следующий факт, поведенный нам Т. Р. Лобановой. Будучи восемнадцатилетней девушкой (т. е. примерно в 1946 г. — М. С.) она однажды ехала из Москвы на поезде. В вагоне напротив нее сидели два старика. Видимо, они не хотели, чтобы кто-либо был в курсе их беседы, поэтому и перешли на язык, очень похожий на «масойский». Случайной попутчице он оказался понятен. Но старики были не свои, не елизаров-

ские. Девушка спросила, откуда они и где научились «ковлить по-масовски». Но деды не были расположены к беседе, тем более их несколько напугал тот факт, что рядом кто-то чужой понимает их речь. Один из стариков только буркнул: «С Владимира», — и на этом общение закончилось. Понятно, что вне пределов Владимирской области слова «с Владимира» могли означать не только областной центр, но и любой уголок края, да еще, если рядом всякие любопытные вопросы задают.

Несмотря на то, что «масойский» язык зафиксирован только в Елизарове, мне удалось найти следы бытования аналогичных форм тайной речи в двух других населенных пунктах Гуслиц. В соседнем заходском Костине еще в середине XX в. в основном женщины пользовались следующим способом передачи информации без риска быть понятыми чужаками: они перед каждым словом ставили приставку «ку» и говорили при этом очень быстро. Человек, который не имел навыка восприятия такой речи, быстро терялся и не понимал произносимое. Это мне подтвердили и костинские старожилы (Татьяна Игнатъевна Собакина, 1914 г. р.), и те, кто с ними работал на Новинской фабрике (Лидия Даниловна Дронова, 1923 г. р., д. Ляхово, ныне проживает в Давыдово). Здесь чувствуется параллель с материалом Ф. Сцепуры, посвященном нищенскому жаргону местечка Семежова Минской губернии и упоминаемом в словаре Даля «говоре по-херам» [Даль 1863, XLIX; Сцепура 1880, 199]. Подобный прецедент, во-первых, рядом с Елизаровым, во-вторых, в анклав, имеющем предположительно владимирское происхождение, заставляет задуматься. Но сейчас такой тайной речи в деревне Костино уже давно не услышишь.

Другой факт бытования в прошлом тайной речи найден в деревне Тереньково, расположенной также недалеко от Елизарова, с другой стороны от города Куровское, между деревнями Заволенье и Смолево. Во второй половине XIX — начале XX в. Тереньково также входило в состав Запонорской волости, равно как и заходские деревни.

Но, также по словам старожилов, говор тереньковцев отличался от заходского, таким образом, общего происхождения у них с елизаровцами быть не может. В деревне Смолево мне рассказали следующую легенду. В Смолеве жил некто Терентий (Теренька), который славился тем, что крал и по соседним населенным пунктам, и в своей деревне. Этим же занимались и члены его семейства. Смолевцам Теренька изрядно надоел, и они выслали беспокойное семейство из деревни. Семья воров и стала основателями нового селения, получившего название «Тереньково» (сообщила директор Смолевского клуба Галина Сергеевна, 1955 г. р.). Жители же Смолево ведут свое происхождение от переселившихся сюда выходцев из Сибири. Сами нынешние тереньковцы практически ничего не помнят о тайном языке своей деревни, но информацию о его бытовании в прошлом мне удалось найти в соседней деревне Заволенье. Единственную фразу из него мне поведал Сергей Сергеевич Мишин, 1972 г. р., проживающий в деревне и ныне, который узнал ее от своего деда, Егора Тимофеевича Смирнова, 1910 г. р., который в свою очередь утверждал, что слышал и другие слова. Фраза звучит следующим образом: «Мой колпешник развалился и ашана пополам» — «Мой горшок разбился и каша разлилась». Связь слов этой фразы с «масойскими» словами Елизарова пока не выяснена.

«Масойский» язык деревни Елизарово еще ждет своего исследования, а также сопоставления с офенскими языками Владимирского края и других мест, частью которых он, вероятно, является.

Литература

Агеева 1998 — Агеева Е. А. Из истории старообрядческих центров: Подмосковные Гуслицы XVII—XX вв. // Уральский сборник: история, культура, религия. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 9—17.

Агеева 2004 — Агеева Е. А. Подмосковная рукописная коллекция Научной библиотеки МГУ и архив гуслицких иконописцев Балзетовых // Рукописи. Редкие издания. Архивы. М., 2004.

Агеева 2004а — Агеева Е. А. К проблеме гуслицкого миропонимания // Гуслица старая и новая... М., 2004. С. 58–72.

Братское слово 1888 — Летопись происходящих в расколе событий // Братское слово. М., 1888. № 4. С. 287–288.

Богородский край 1996 — «Георгиевич», Заход. Отхожий промысел // [Богородская речь, 1911. № 11] Богородский край. Ногинск. 1996. № 3.

Военно-статистическое обозрение 1852 — Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 2. Владимирская губерния. СПб., 1852.

Гиляровский 1999 — Гиляровский В. Гуслицы и гусяки // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1999.

Даль 1863 — О наречиях русского языка, о языках искусственных // Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Ч. 1. М. 1863.

Котков 1949 — Котков С. И. Условный язык орловских шорников // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. С. 233–243.

Кузнецова 2005 — Кузнецова В. Ф. Однородная поисковая экспедиция как одна из форм краеведческой работы (из опыта работы Давыдовской гимназии) // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна, 2005. С. 128–131.

Леякова 2006 — Леякова Н., Дувакина Т. А. Елизарово // Гуслицкая округа. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Куровское, 2006. С. 97–103.

Романов 2006 — Романов С. Ф. Костино // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Ильинский погост, 2006. С. 52–55.

Смирнов 1902 — Смирнов И. Мелкие торговцы г. Кашина и их условный язык // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 7. Кн. 3. СПб., 1902. С. 89–113.

Сцепура 1880 — Сцепура Ф. Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии, местечка Семежова // Записки Императорской академии наук. Т. 37. Кн. 1. СПб., 1880. С. 188–199.

Ткаченко 1985 — Ткаченко О. Мерянский язык. Киев, 1985.

Summary. The author has provided information about one of Russian «argots». This encoded language was being used by the inhabitants of one village only in the old-believing area of Gouslitsy.

Key words: Yelizarovo, Guslitsy, Zakhod, pedlars, clandestine language, old residents, handicrafts.

Н. Г. ДЕНИСОВ
(Москва)

ОАЗИС ДРЕВНЕЙ ВЕРЫ

Аннотация. В очерке описаны уникальные особенности жизненного уклада старообрядцев белокриницкого согласия общины села Покровка, находящегося в Молдавии. Особое внимание уделено традициям богослужебного пения.

Ключевые слова: старообрядчество, богослужебное пение, Покровка.

На севере Молдовы, на границе с Украиной, находится русское село Покровка. В десяти километрах от него — город Атаки, стоящий непосредственно у самой границы. Когда-то это было одно государство — СССР. Мост через реку Днестр связывает Атаки с украинским городом Могилев-Подольский. Ощущение, что это действительно граница двух государств возникает сразу же. Этому способствует география местности. Украинский берег Днестра очень высокий, а со стороны Молдовы идут пологие берега. После перехода через мост из Молдовы на Украину и пешему человеку, и едущему на машине надо подниматься высоко вверх. В ста километрах южнее Покровка расположен другой город — Сороки. Между этими двумя городами и находится небольшое село Покровка.

Казалось бы, чем может быть вызван интерес исследователей к этому небольшому старообрядческому поселению? Ответов на этот вопрос будет много. И, чтобы дать их, придется неоднократно пользоваться словами «уникальное», «единственное» и т. д.

Начнем по порядку. Покровка — единственное село, не только в Молдове, но и во всей Европе, являющееся стопроцентно старообрядческим. Все покровчане по своему вероисповеданию являются старообрядцами белокриницкого согласия юрисдикции старообрядческой митрополии Московской и всея Руси, центр которой находится в Москве на Рогожском. Официальное название конфессии — Русская православная старообрядческая церковь. Приход входит в состав Кишиневской епархии,